

Е. Горький

...МЕДЛЕННО НА ФОНЕ КРАСНОГО ДИСКА поднимается золотое изваяние. Именно изваяние — в нем не шелохнется ни один мускул лица, рук, живота. Он, золотой бог, легенда, поднимается и просыпается.

Танец Золотого Бога — творение народного артиста СССР, лауреата международных конкурсов Махмуда Эсамбаева. В этом танце — великолепное знание индийской этнографии, отличное владение одной из самых трудных школ индийского танца — Бхарат-Натьям.

Эсамбаев признался, что его любимая эстрадная певица — Клавдия Ивановна Шульженко: «Она рассказывает свои песни». И он «рассказывает» свои танцы. Каждый танец — законченное сценическое произведение со своей драматургией.

Наши гости

ВОЛШЕБНИК ТАНЦА

Последний раз Махмуд Эсамбаев гастролировал в нашем городе в 1968 году. На этот раз в его программе появились три новых танца. В основе одного из них — танца «Павлин» — зафиксированные позы и движения с изображений священной птицы в святилище древних инков — Храме Солнца. Эсамбаев, прекрасно владея своим телом, передает прихотливые, вычурные движения экзотической птицы.

Цыганский танец Махмуда непохож на стр-р-растные цыганские мотивы из многих наших хореографических групп. Это свой характер, своя внешность (широкие рукава — как огромные крылья с золотыми звездами). Таких цыган Махмуд наблюдал на улицах испанских городов.

Эсамбаев всегда в поиске. Всегда в долгой работе. Еще в прошлый приезд в наш город он обдумывал русский танец. И вот мы смотрим его.

...В кресле сидит пожилой человек, эмигрант. Надрывно, скорбно звучит «Степь, да степь кругом...». Вдруг сквозь нее прорывается светлая мелодия русского танца. Человек сбрасывает с себя халат с дорогими мехами и... танцует.

Поражает костюм, созданный для этого танца художниками-палешанами: голубые, желтые, оранжевые тона, и по ним — золотая нить и жемчуг.

Главное в русском танце Эсамбаева — непохожесть, поиск своей темы.

Пожалуй, самый экспрессивный в своеобразном «музее танца», созданном Махмудом, — ритуальная бразильская «Макумба». Она требует от танцовщика огромных сил, энергии, эмоций. Разъяренный, разрываемый внутренними «чертовскими» силами, почти катающийся по сцене, извивающийся в ритуальных судорогах шамана, «исцеляющий» человечество.

И все это — в один вечер...

В фойе появляются первые зрители. Суетятся рабочие сцены, «разыгрываются» музыканты, а Махмуд осматривает сцену, «примеривается» к залу, к пустым пока креслам. Убедившись, что все в порядке, он уходит гримироваться.

Он несколько раз поправляет линию губ. Щепетильность? Заметит ли зритель? Махмуд убежден, что настоящий зритель чувствует малейшую фальшь, малейшую небрежность.

Он вспоминает Владимира Васильева — ведущего советского танцовщика, других мастеров, которые в любых условиях остаются беспощадными к себе в своей художественной, творческой безукоризненности.

— Талант, — говорит Махмуд, — всегда талант. Нигде неталантливым он быть не может и не должен.

Это относится и к самому Махмуду Эсамбаеву — волшебнику танца, его подвижнику и творцу.

С. ЧУЯНОВ.